

Князь
ТРУБЕЦКОЙ

Личный враг императора

Роман Злотников

Владимир Свержин

**Князь
ТРУБЕЦКОЙ**

Книга вторая

Личный враг императора

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *Ф. Барбьшева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Князь Трубецкой. Книга вторая. Личный враг императора / Роман Злотников, Владимир Свержин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Новый Злотников).

ISBN 978-5-699-88305-9

Осень 1812 года...

Потрепанные, но все еще опасные полки Великой армии с боями отступают из России. И у всех наполеоновских солдат на устах имя страшного партизанского вожака, князя Сергея Петровича Трубецкого. О нем рассказывают легенды одна невероятней другой. Трубецкой будто бы начисто отвергает каноны «цивилизованной» войны, не горит в огне и заговорен от пуль, обладает пророческим даром, и, наконец, он ЛИЧНЫЙ ВРАГ ИМПЕРАТОРА! Но даже самым ловким шпионам не узнать, кто такой князь Трубецкой на самом деле...

Книга первая выходила под названием «Князь Трубецкой».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р., Свержин В., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-88305-9

ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

По команде «Подъем!» начинается светлое время суток. «Подъем, Трубецкой, подъем!» Нет времени пролеживать тюфяки, даже если они густо засыпаны лаврами — все равно нет. Хорошо Супермену — нацепил плавки поверх трико, выставил кулак вперед — и помчался спасать возлюбленную, а заодно и мир. А тут, сколько кулаки ни выставляй, дело с мертвой точки не сдвинется.

О чем только думали высоколобые Старцы, прорабатывая ту долгоиграющую миссию, которую мне надлежит исполнять здесь, начиная с рокового для России 1812 года? Что я пристану к ближайшему кавалергарду со словами: «Мне нужен твой скакун и кираса»? И дальше буду разезжать по Европе с каменной физиономией, совершая подвиги во имя высокого замысла тех, кто имел возможность разработать эту головокружительную операцию и прислать меня сюда? Хорошая идея. Но я — погрешность, нелепая погрешность в их точных исчислениях,

по какой-то нелепой случайности я не стал бездушной функцией и остаюсь человеком. Впрочем, может быть, мне это лишь кажется. Это болезненно, порою невыносимо болезненно, — творить объективное добро, невзирая на мнения и желания окружающих. Очень уж какое-то злое добро получается. Иногда даже и для меня самого жутковатое.

Но я дал согласие. Какая уже разница почему, что заставило меня пойти на этот шаг. Заставило. И я здесь, возврата нет и не может быть. А боль остается, тянущая, мотающая жилы на кулак, заставляющая двигаться все дальше, украшая дорогу трупами врага. Конечно же, ради высокой цели. Как же иначе?!

А вот теперь иначе. Ибо есть та самая пресловутая миссия и та, ради кого стоит жить в этом мире. С его объективными законами и традиционным беззаконием; с его святыми и демонами в человеческом облике. И ей грозит опасность. Ужасная опасность, до которой нет ровно никакого дела высоколобым творцам Великого замысла. А значит, сегодня и мне нет дела до них.

Меня больше нет, есть живая легенда, страшная легенда о безжалостном «принце Трубецком», которым французские мамы еще долго будут пугать не в меру резвых детишек. Но что ж так болит?! Неужели же это настоящая потребность оставаться человеком? Отставить! Душа бестелесная субстанция, а значит, болеть не мо-

жет! Не должна. Коней в галоп! К черту страдания! Время не ждет!

«Вперед, князь Трубецкой! Вперед!»

— Экселенц, — этот голос достигает моего сознания далеко не сразу. Я оборачиваюсь, лицо говорящего едва различимо в безлунной октябрьской ночи. — Вот там они держат Александру. Томаш проследил.

Я всматриваюсь в освещенные далекие окна, не так давно за ними было тихо и уютно. Совсем недавно.

— Лютуют? — спрашиваю я.

— Лютуют.

— Что ж, тогда сам бог велел. Работаем!

ГЛАВА 1

Оконное стекло разлетелось сотней блестящих осколков, рухнуло во двор, усеивая пустую уже, тоскливую клумбу множеством острых прозрачных зубьев. Хохот, выстрел, чей-то вскрик, топот кованых сапог и французская речь... Началось!

Едва-едва оперившиеся птенцы гнезда Петрова разлетались по своим вотчинам, дедовским или же дарованным грозным императором. Они что есть сил пытались воплотить в своих родовых усадьбах образ того самого гнезда. А если получится, то и превзойти его. Конечно же, никто из них и не думал копировать голландское пристанище русского «плотника Михайлова», и даже домик Петра на берегу Невы соратники государя строить для себя почему-то не торопились. Вот петергофский дворец вполне служил образцом для подражания. Конечно же, не всякий птенец мог состязаться в роскоши с государем, но всякий желал чувствовать себя в имени микроимператором

и прилагал к этому максимум усилий. И хотя поэтическое название «дворянские гнезда» вошло в обиходную речь стараниями Ивана Сергеевича Тургенева много позже, этот дом с белеными колоннами псевдоантичного портика, с широкой лестницей, ведущей ко входу, и раскинувшимися крыльями темных флигелей, красовавшихся среди запущенного английского парка, вполне можно было бы уже назвать таким гнездом. Правда, довольно запущенным. Но тут уж, как ни старайся, плетью обуха не перешибешь — война, не до красот.

Возможно, в мае, когда зелень окутывает господский дом и радует глаз наблюдателя, тот казался намного привлекательнее, а уж если там звучала музыка, суетилась дворня и хозяин в шлафроке выходил на крыльцо полюбоваться угодами, этот уголок средней полосы России можно было счесть воистину райским. Однако сейчас, когда осень перевалила за половину, лишенный привычной жизни дом отчего-то выглядел жутковато. Этаким черепом не ведомого ни сказкам, ни академической науке чудовища, многоглазого, с огромными зубами колонн, выбеленным беспощадным временем и все же не безжизненным, и оттого особо жутким.

В барском доме сейчас явно не экономили на свечах. Да и дрова явно никто не собирался беречь до наступления истинных морозов. Сейчас густо дымили все трубы, так, будто нынеш-

ние обитатели усадьбы только и желали, что согреться и наестся вдоволь. Звон посуды, хлопки вылетающих пробок шампанского, нестройные пьяные вопли, доносившиеся из барского дома, неумолимо свидетельствовали, что он обитаем. Однако же так обитаемо и вместилище человеческого разума, населенное могильными червями. Кем были существа, весело и разухабисто громившие явно чужую усадьбу? Уж точно не людьми, иначе не стали бы выкладывать перед широкой парадной лестницей шеренгу растерзанных тел.

Всякий житель округи любого рода и звания без труда бы опознал несчастных: хозяина усадьбы, его челядь. Еще совсем недавно они жили своей обыденной жизнью, радостно обсуждали новости: Москва оставлена французом, супостат-антихрист с потрепанными уже полчищами неуклонно катится прочь из их родного Отечества, а славные наши казачки да гусары из Летучего корпуса генерала Бенкендорфа рвут его на части, не давая остановиться и перевести дух. Сзади врага поджигает славнейший Кутузов и орлы его, суворовские чудо-богатыри. Немного подождать, чуток перетерпеть — и все наконец вернется на круги своя. А уж коли Господь на их стороне, то, по всему виду, здесь в двух с лишком десятках верст к северу от старой Смоленской дороги удастся тихо отсидеться вдали от военной грозы. Отчего ж нет? Вот и гусарский

отряд, заезжавший в имение совсем недавно, всего-то пару дней тому, рассказывал о том, как бежит француз, бежит так, что пятки сверкают! Вот ухватит батюшка Михайло Илларионович французского аспида за хвост да головой об камень, чтоб мозги его гадские только в сторону и прыснули.

Хозяин поместья, и сам в прошлом служивший под знаменами нынешнего главнокомандующего и бившийся с ним при Измаиле, лишь удовлетворенно кивал головой да проклинал жестокую рану, полученную в схватке с турецкой кавалерией и заставившую его просить отставки. Он славно угостил тогда гусар, перекрестил каждого на дорогу и заклинал приезжать еще и не оставлять его без вестей.

Оттого нынче и не всполошился, не приказал своей дворне разобрать пики да мушкеты, загодя приготовленные для отражения незванного врага. Когда дозорный, разумная предосторожность в такой-то час, сообщил, что в сторону имения движется отряд, более полусотни верховых, он лишь велел подать старый мундир да готовить трапезу. Чего уж теперь бояться? Французов в пинки гонят, так, стало быть, свой брат, может, партизан, или того лучше — фуражиры. Эти-то и вовсе кстати, эти за овес для коней и снеть деньгами платят, а не одним лишь спасибо. Подкрутил усы, отряхнул пыль, слегка припорошившую мех гусарского ментика, и, опираясь на

клюку, улыбаясь, вышел на крыльцо приветствовать гостей.

К тому моменту, когда он переступил невысокий порог, человек, предводительствующий заезжим отрядом, уже стремительно, без всякого стеснения поднимался по лестнице.

— Бонжур, — скорее растерянно, чем приветливо, выдавил отставной гусар, стараясь определить по разноцветью мундиров, кого это принесло в его имение.

— Бонжур, — без всякого чувства ответил незнакомый офицер и махнул рукой своим людям: — Я дарю вам этот дом.

Толпа спешившихся мародеров, блестя голодными нетерпеливыми глазами, ринулась внутрь, сбивая с ног увечного воина.

— Что вы делаете, месье? Вы же офицер!

Из сеней доносились крики, женский визг, звуки ударов и редкие выстрелы.

— На войне как на войне, — безучастно пожал плечами вожак дикой стаи, рывком поднимая на ноги сбитого с ног хозяина. — Вы же наверняка знаете, месье, старое правило: война сама себя кормит.

— Но есть же и каноны чести, — попытался было возмутиться отставной гусар.

Лицо предводителя вдруг резко потемнело, и на губах появилась недобрая, похожая на оскал ухмылка.

— Все это выдумка для идиотов, месье. Я ж таким не являюсь. — Он схватил несчастного помещика за горло и с силой прижал к колонне. — В этом доме все умрут: мужчины — сразу, женщины — чуть позже, когда перестанут интересоваться моих гвардейцев. А если они будут с ними ласковы, то кто знает, может, им и удастся остаться в живых. Но ты не женщина, а никто из моих храбрецов не интересуется мужчинами, пусть даже колченогими.

Ветеран попытался ослабить хватку обряженного в мундир разбойника. Тот лишь расхохотался, еще крепче сжал пальцы. Старый гусар захрипел, глаза его полезли на лоб.

— Глупец, у тебя есть ровно один шанс дотянуть до утра: скажи, где тайник, в котором ты прядешь свои золото и драгоценности.

— Будь ты прок... — задыхаясь, сипел хозяин усадьбы.

— Не усердствуй, я уже давно проклят.

Он повернулся, скомандовал, и на крыльцо за руки, за волосы вытащили упирающуюся супругу хозяина поместья. То, что недавно представляло собой наряд почтенной дамы, развевалось на ветру ключьями. Вожак оттолкнул отставного гусара, вытащил из-за пояса дорогой, явно не армейский пистоль, взвел курок и направил ствол на рыдающую женщину.

— Где твоя касса, ублюдок?!

— Да, да, я скажу, только не стреляйте!

Предводитель молча пожал плечами, как ни в чем не бывало выпалил в голову мальчишки-поваренка, выброшенному в окно одного из флигелей, и кивнул подручным, приказывая тащить обессилевшего хозяина в дом.

Его зарубили спустя минуту после того, как главарь разбойничьей шайки удовлетворенно открыл крышку сундучка, еще недавно спрятанного под дубовыми половицами в кабинете барина. Зарубили без каких-либо эмоций, под хохот мародеров, выкинули в окно второго этажа и оттащили в сторону на аллею, где уже красовалась безмолвная шеренга бывших обитателей поместья. Бросили наземь возле удушенной вожами жены, приговаривая, что теперь все семейство в сборе. Отдав должное радостям войны, опьяненные успехом головорезы спешили отведать радостей мира: тепла, вкусной и обильной еды и отличных вин, которые отныне можно пить, не считая.

— К черту императора! — орали душегубы, которых недавно именовали солдатами Великой армии. — Да здравствует Черный Маркиз!

Предводитель банды, высокий блондин в лейтенантском кирасирском мундире, удовлетворенно глядел на ликующих соратников, радуясь новой победе. Конечно, не такой великой, как те, что ему доводилось видеть, служба под императорским орлом. Но, черт возьми, много ли проку ему и тем, кто пошел за ним, от вели-

чия чужих побед?! Славой камзол не подобьешь. Он глядел на ликующих ветеранов собственной, пусть и не слишком старой гвардии. «Эти чертовы упыри готовы идти за мной хоть в пекло, потому что знают, со мной они будут живы и богаты. А без — лежать в кювете с простреленной башкой, подыхать от дизентерии или же голодать, радуясь прокисшему заплесневелому сухарю и пиву, от которого в желудке такая круговерть, что не до службы, не до войны».

— Да здравствует Черный Маркиз!

Сегодня они будут спать в тепле и есть от пуза, наслаждаться телами прислуживающих им голых пейзажников, от души веселясь их нелепыми попытками хоть как-то закрыть свою наготу. А завтра, завтра этот дом полыхнет вместе с теми его обитателями, кто дожил до утра. А отряд Черного Маркиза исчезнет, растворится в бескрайних российских просторах, не оставив следа и свидетелей. Впрочем, как вчера и позавчера и до того... Всякому, поднимавшему сейчас за него тосты, было известно — Черный Маркиз не оставляет в живых тех, кто видел его в лицо.

К чему все эти глупые рассказы о каком-то там гуманизме? Все эти выдумки Дидро, Руссо и всяких там Вольтеров?! К чему библейские прочтения? Не сильно гуманизм помог его отцу — добрейшему сельскому кюре, когда опьяненные кровью санкюлоты ворвались в храм и подняли на штыки глупца священника, призывающего